

18+

Георгий Серов
*«Убийца Сталина» и другие
истории*

Рассказы

Георгий Серов

**«Убийца Сталина» и другие
истории. Рассказы**

«Издательские решения»

Серов Г.

«Убийца Сталина» и другие истории. Рассказы / Г. Серов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981986-4

Первый рассказ — комитрагедия о современной России, второй и третий рассказы — фантазии на историческую тему, четвёртый — страшилка, пятый — иронический рассказ на тему переезда в Крым.

ISBN 978-5-44-981986-4

© Серов Г.
© Издательские решения

Содержание

Убийца Сталина и другие истории Серова Георгия Алексеевича	6
Все оттенки чёрно-белого	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

«Убийца Сталина» и другие истории Рассказы

Георгий Серов

© Георгий Серов, 2020

ISBN 978-5-4498-1986-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Убийца Сталина и другие истории Серова Георгия Алексеевича

Все оттенки чёрно-белого

1 апреля Михаил Юрьевич решил-таки, повинуюсь уговорам жены, пойти на обследование. Медицинское обследование. В последнее время, особенно после 49-го дня его рождения, всё как-то не могло, не дюжилось – то в боку стрельнет, то в глазах потемнеет.

Он-то лично не обращал особого внимания на недомогания, списывал их на возраст. И ранее «стреляло» и «темнело», не в таких, конечно, количествах, – но ведь бывало же!

Однако ж, пристала жена – «иди проверься, проверься иди. Вдруг, серьёзное что?». Родственники тоже, со своими вечными: «После сорока, а уж, тем более, к пятидесяти ближе, надо о здоровье заботиться, Миша».

Да и Настасья-Настасьюшка, зазноба его, сказала как-то:

– Что-то ты, Мишенька, когда на мне, какой-то бледный становишься. Смотри, не отойди к предкам во время наших утех, а то стыду-позору не оберешься, да и мне головняки эти ни к чему.

В общем, решил он.

1 апреля для визита в больницу выбрано было случайно, просто отгул начальство дало за работу в выходные. А может, и не случайно, – рассчитывал Михаил Юрьевич втайне, что народу поменьше в поликлинике будет – со здоровьем шутки плохи, это вам не «у вас вся спина белая! Ха-ха!».

Больница у них в городке всего одна, специалистов, тем более хороших, – и того меньше. Но, если уж скажут, что надо серьёзно провериться, можно и в областной центр съездить – здоровье важнее.

Да, сорок девять – дело нешуточное. Сколько друзей у него да однокашников повикисило: то инсульт, то инфаркт, то ещё какая болезнь поганая. Не хотелось бы, конечно, так рано помирать в корчах, как его сестра двоюродная – от онкологии за три года сгорела, – а ведь всего-то сорок два было!

– Ну, для того и нужны профилактика и ранее выявление. Вот сейчас дойду до медиков, они-то мне всё и расскажут, и покажут. – Думал про себя Михаил Юрьевич, подходя к обшарпанному крыльцу осыпающейся потихоньку Горемыкинской ЦРБ, обслуживавшей столицу района, городок Горемыкино, и район с одноимённым названием.

Отстояв положенную очередь к терапевту – народу было много, даром, что первое апреля, Михаил Юрьевич направился в кабинет УЗИ, для проверки состояния его внутренних органов. Предварительно он забежал в магазинчик, находившийся неподалёку от больницы, и выпил, по совету терапевта, полтора литра минералки.

И тут началось самое интересное.

Постучав в кабинет УЗИ-диагностики, он приоткрыл дверь и протянул в полумрак своё направление.

– Мартынов Михаил Юрьевич? – Молодой худощавый врач печальным взором воловых глаз, скрытых толстыми линзами, оглядел Михаила Юрьевича с ног до головы. На мгновение Михаилу Юрьевичу даже показалось, что, поскольку аппарат УЗИ сломался, а заключение с врача в любом случае потребуют, то он пытается определить наличие патологии внутренних органов с помощью подручных средств, в данном случае – собственных глаз, усиленных диоптриями очков.

Затем молодой специалист пробормотал неожиданное:

– Простыня.

– Что, простите? – Не поняв, переспросил Михаил Юрьевич.

– Простыня. – Терпеливо повторил узист.

– Что простыня?

– Где простыня? – Вопросом на вопрос ответил врач.

– А что, нужна? – Перекинул эстафетную палочку вопрошания Михаил Юрьевич.

Тяжко вздохнув, молодой человек воскликнул, обращаясь к невидимому ангелу-хранителю кабинета УЗИ-диагностики:

– Марина-а! Тут опять без простынки! Принесите одноразовую, пожалуйста.

По соседству хлопнула дверь и чьи-то тяжелые шаги удалились, скрипя деревянными половицами больничного коридора.

Через минуту в кабинет ворвалась, тяжело дыша, пухлая медсестра, держа в руках не первой свежести пелёнку, на серо-белой поверхности которой отчетливо виднелись звучавшие шаманскими заклятиями чёрные надписи «УХО», «ОМХО», «ХОЗО», красноречиво свидетельствовавшие о преклонном возрасте предоставленного куска ткани.

Вновь тяжело вздохнув, юноша горько запричитал:

– Марина, я же просил од-но-ра-зо-ву-ю. А вы что?

– Андрей Силантич! – Затараторила холеричная Марина. – Ну нету одноразовых, нету. Не закупили, денег нету. На складе только такие остались.

В третий раз вздохнув тяжело, Андрей Силантьевич, он же узист, сказал, обращаясь уже к Михаилу Юрьевичу:

– Ложитесь на кушетку, постелите пеленку.

– Мне сначала лечь, а потом постелить пеленку? – Хотел было съюморить Михаил Юрьевич, но по мрачному взгляду Андрей Силантича, понял, что юморить он будет в другое время и в другом месте.

– Сначала постелите пелёнку, разумеется, затем ложитесь. – Сказал, пропустив мимо ушей юмористический шедевр своего пациента, молодой узист.

– Как скажете. – Постелив застиранную пелёнку и ложась, кряхтя, на кушетку, проговорил Михаил Юрьевич.

Началось исследование. Навалив холодного склизкого геля на живот Михаила Юрьевича, врач начал диктовать розовощёкой Марине, сидевшей за стареньким компьютером, какие-то цифры и, казавшиеся именами древнегреческих богов, названия:

– Так, проток диаметром 0,7 миллиметров... Эхоструктура паренхимы... Холедох... Дилатация.

Марина деловито выбивала на клавиатуре своими толстыми пальцами заклинания, проговариваемые врачом в полумраке кабинета диагностики. Михаил Юрьевич в это время с тревогой переводил глаза с очков худосочного доктора, в которых отражались блики экрана аппарата УЗИ, на белую шапочку медсестры. Он тщетно пытался найти хоть какую-то связь с действительностью в единственно казавшимися ему имеющими отношение к реальности вещах.

– Так, Михаил, э-э-э... Юрьевич. Вам у терапевта сказали жидкость выпить за 40 минут до УЗИ? – Спросил врач, сверяясь с амбулаторной картой.

– Ну да, я в магазинчик сбегал, за минералкой. Выпил... Да. – Ответил Мартынов.

– Тогда поворачивайтесь на левый бок.

Выполняя команду врача, Михаил Юрьевич повернулся на левый бок. Врач, предварительно измазав холодным гелем правый бок своего пациента, приложил к нему датчик и продолжил диктовать непостижимую неосведомленному человеку буквенно-цифровую шифрограмму своей помощнице.

– Так, теперь на правый бок.

Михаил Юрьевич послушно перелёг на правый бок и с покорностью принял телом холодный гель. Андрей Силантьевич шурудил датчиком, размазывая гель по левому боку подопытного, и продолжал отправлять голосовые послания Мариночке.

Вдруг, остановившись на несколько секунд, он вперился в монитор, сверкая толстыми линзами своих очков и, как показалось Михаилу Юрьевичу, торжественно-мрачно начал надиктовывать медсестре:

– Та-ак! При исследовании левой почки выявлено уплотнение величиной 5 миллиметров в диаметре, с распространением на окружающие почку лимфатические узлы.

Мариночка тяжело вздохнула и с сожалением посмотрела на Михаила Юрьевича. Не на шутку встревоженный, он, изобразив бледное подобие улыбки, и придав как можно больше бодрости своему голосу, спросил у вершителя своей судьбы:

– Ну что, доктор, жить буду?

Марина, не в силах сдержать свои эмоции, закачала головой из стороны в сторону.

Доктор в очках, мрачно хмыкнув, сказал:

– Вероятно.

Затем он продолжил:

– Подождите в коридоре. Через десять минут вам выдадут заключение.

Совершенно обескураженный абсолютно непонятной для него реакцией медиков на результаты исследования, Михаил Юрьевич наскоро вытер остатки геля сероватой простышкой и, одевшись, как ошпаренный выскочил в коридор поликлиники.

– Следующий! – Выйдя за ним в коридор, гаркнула Марина и, как вновь показалось Михаилу Юрьевичу, с жалостью, словно провожая родственника в долгий, может, невозвратный путь, скользнула по нему взглядом.

Терпеливо дожидаясь заключения исследования и внутренне содрогаясь от какого-то нехорошего предчувствия, Михаил Юрьевич стоял, прислонившись к стенке. Нервное напряжение его было столь велико, что он забыл о настойчивых позывах организма, дававших знать о себе после употребления им минеральной воды. Кроме того, у него непроизвольно затряслась левая нога.

Осознавая, что нервозность его очевидна для окружающих он, покраснел, желая провалиться сквозь бетонные перекрытия старенькой больницы на один, а лучше на два этажа вниз.

Минут через пятнадцать из кабинета выплыла Марина, передав со вздохом и опущенными книзу глазами заключение врача.

– Мариночка! – Обратился к ней Михаил Юрьевич. – Я всё равно ни черта не понимаю во всей вашей терминологии. У меня что-то опасное?

– Все вопросы к врачу. – Скорбно проговорила медсестра.

– А можно его позвать? – Словно цепляясь за спасательный круг, с надеждой проговорил Михаил Юрьевич.

– Ну, я не знаю. – Промямлила Мариночка. – Но для вас он, может быть, сделает исключение.

– Для меня он сделает исключение? – С ужасом подумал Михаил Юрьевич. – Неужели всё так плохо?

Мариночка удалилась в полутьму кабинета диагностики и через некоторое время в проёме двери появился наш худосочный доктор. Воззрившись на Михаила Юрьевича, он не очень довольным тоном произнёс:

– Вы что-то хотели спросить?

– Доктор, в двух словах – у меня что-то нехорошее? – Подбежал Михаил Юрьевич к нему.

– М-м-м. В двух словах, не то чтобы нехорошее, а, скорее, очень плохое. Хотя утверждать я не могу, ещё нужны анализы, биопсия и так далее.

Михаил Юрьевич отказывался верить своим словам. Биопсия... Ему слишком хорошо было известно это слово, а также то, что за ним скрывалось.

– Господи! – Подумал он с отчаянием. – Неужели онкология? За что? Почему я?

Слишком свежи были воспоминания мучений и мытарств его двоюродной сестры и всего её семейства. В течение трёх лет, казавшихся скоротечным спуском в холод могилы, сестра сдавала анализы, биопсию, стояла в очередях, опять сдавала анализы, потом опять стояла в очередях и сдавала биопсию. И повторно, и в третий раз.

Одни анализы устаревали, другие уже не нужны были. И так кругами... Кругами дантова ада, заботливо обустроенного на земле одними людьми для других. В итоге, время было упущено, хотя, может, его и не было вовсе – кто теперь скажет?

Попытавшись справиться с ударом, он проговорил, с трудом разлепляя резко пересохшие губы:

– Доктор, что вы увидели?

– Ну-у, у вас уплотнение в левой почке, что может свидетельствовать о некоем новообразовании. – Протяжно начал разглагольствовать узист, добавив-добив затем:

– А с учётом распространения уплотнения на близлежащие узлы, представляется, что у вас онкология.

Вот посмотрите, на снимке видно, я тут обвёл красной ручкой ваши проблемные зоны – уплотнения.

Михаил Юрьевич тупо смотрел на черно-белые треугольники развёртки УЗИ. Да, он видел какие-то светло-серые контуры на сером и тёмно-сером фоне. Да, они были обведены заботливым врачом красной ручкой. Однако он решительно ничего не понимал.

– Но я бы вам к профильному специалисту рекомендовал сначала сходить. – Продолжил доктор.

– Что же это такое? – Спросил, не обращаясь ни к кому в особенности, Михаил Юрьевич, отходя тихонько вдоль облупленной стеночки от кабинета УЗИ-диагностики.

Как-то автоматически он добрёл до кабинета терапевта – молодой девчонки, только выпустившейся из медицинской академии. У неё перед кабинетом уже было пусто – поток страждущих, по всей видимости, временно иссяк, и Мартынов без каких-либо проволочек и извечной ругани, стоящей в очередях, зашёл к терапевту.

– Вот, Мария Александровна, что мне нарисовали тут. – Сказал он глухим голосом, подавая заключение.

Юный терапевт, пробежав глазами заключение, остановилась на тех самых строчках, содержащих медицинские ругательства, которые повергли в уныние Михаила Юрьевича за несколько минут до этого.

– Вы присядьте, Михаил Юрьевич. – Как можно более ласково сказала она, поднимая трубку допотопного дискового телефона и накручивая на нём цифры.

– Аллё, Андрей Силантич? – Спросила она у невидимого собеседника. – Я тут по Мартынову звоню... Да... Да.

Она внимала голосу мрачного узиста, который, по всей видимости, повторял сказанное недавно Михаилу Юрьевичу, но уже с вкраплениями птичьего медицинского диалекта, всякими паренхимами и холидиозами, поскольку общался с коллегой по цеху.

Положив трубку, Мария Александровна, вскинула на Михаила Юрьевича взор лани, пять минут назад потерявшей своего телёночка.

– Михаил Юрьевич, – протяжно сообщила она, словно подбирая слова, – тут врач говорит, что случай серьёзный. Вы пьёте?

– Не понял, к чему этот вопрос?

– Я пытаюсь выяснить этиологию, так сказать, причину заболевания. – Пропищала, опустив глаза в пол, терапевт.

– Нет, не пью. – Ощущая, что его уже начинают препарировать, ответил Михаил Юрьевич.

– Травмы почек, особенно левой, были? – Продолжала неумолимо девица.

– Да... Ой, нет. Не припомню, может, были. – Запутавшись в показаниях, пробормотал наш герой. – Помню, покалывало в левом боку. В последнее время участилось. Покалывание, то есть, участилось.

– Вот видите. – Явно было видно, что внутренне юная медичка торжествует, докопавшись до истины (как она там говорила, гинеологии, что ли? – начал вспоминать Мартынов). – Неприятные ощущения лишь подтверждают предварительный диагноз нашего прекрасного специалиста. Если у вас были травмы левой почки, то они и явились причиной вашего заболевания.

Терапевт подняла указательный палец правой руки кверху, по-видимому, представляя себя маститым учёным, наставляющим на путь истинный своих студентов-неучей. Затем, спохватившись, вернулась к теме питья:

– Так вы говорите, не пьёте?

– Нет.

– А раньше, раньше – пили? – Не унывала в поисках первопричин тяжкого заболевания многомудрая дева.

– Раньше? Да, раньше выпивал хорошенько. Но это было уже давненько. Года три уж как завязал с этим делом. Сейчас только по особым случаям.

– Вот! – Торжествующе произнесла врачеватель. – Злоупотребление спиртным также может приводить к возникновению новообразований и необратимым последствиям.

Затем, словно вспомнив, что перед ней сидит приговорённый, а не её экзаменатор или научный оппонент, Мария Александровна осеклась и перешла от теории к практике:

– Судя по метастазированию зловоредных клеток в близлежащие к очагу, то есть к почке, лимфоузлы, у вас онкология в третьей стадии. Вы сами понимаете... Прогноз неблагоприятный.

– Ну да, ну да... – Уже окончательно добитый, закачал головой Мартынов. – Вы мне скажите, Мария, сколько мне жить осталось?

– Михаил Юрьевич, вы относительно молодой по медицинским меркам человек. Процессы распространения новообразований в молодом организме развиваются в десятки раз быстрее, чем, например, у 70—80 летних стариков, поэтому предсказать невозможно. Может, три месяца, может полгода. – Со скорбным видом сказала целительница людских недугов с высшим профильным образованием.

Михаил Юрьевич медленно поднялся со стула и направился к выходу из кабинета терапевта.

– Вам нужно съездить в наш областной онкоцентр. Там вас более подробно проконсультируют, направят на анализы, назначат лечение. – Втыкая тупые ножи утешения в спину Михаила Юрьевича, крикнула врачиха, когда он был уже на пороге её кабинета.

Подобно зомби он подвигался к выходу из поликлиники. Домой решил не идти.

– Подождут, – подумал он, – если что, скажу, мол, очереди огромные, пока записался, пока прошёл исследования. Пойду к милой моей Настасьюшке. Тем более, что живёт в двух кварталах отсюда. Одна она меня понимает, примет и утешит.

Он вспоминал свою пышногрудую статную любовницу...

Её роскошные рыжие волосы и зелёные глаза он представлял каждый раз, мямля во рту дряблые сосцы своей жены, Елены, и готовясь, скрепя сердце, проникнуть в казавшуюся необъятной от обильной смазки и неимоверно расширившуюся после двух родов вагину.

А при воспоминании об аккуратно стриженном лобке Настасьи, покрытом короткими мягкими ворсинками тёмно-каштанового цвета, плавно переходящем внизу в два холмика, разделённых обещающей неземные наслаждения тёмной полоской, Михаил Юрьевич бежал отпрашиваться к начальству, созванивался с Настей и отчаливал с опостылевшей уже давно работы в направлении к дому своей зазнобы.

Но сейчас ему было не до манящих складок, находящихся чуть ниже живота его любовницы. Он пытался воскресить в памяти, как прожил свою жизнь, задаваясь вопросом о том, что останется после него, кроме кучек помёта, раскиданных по городам и весям необъятной страны, да двух сыновей-оболтусов, которые породят себе подобных, которые тоже породят себе подобных, и так далее – до тех пор, пока океаны не накроют сушу.

Позвонив в дверь и, не дождавшись её открытия в течение двух минут, Михаил Юрьевич вспомнил, что, вопреки сложившейся маленькой традиции, не позвонил Насте загодя.

– Странно – она, вроде, не работает. Может, ушла куда? – Маникюр, педикюр, причёска, какую они там ещё красоту себе наводят? – Подумал он.

Набрав Настин номер и услышав гудки, он с удивлением услышал знакомый звонок за дверь её квартиры.

– Аллэ? – Раздался в трубке сонный голос.

– Алло! Настёна, это я, Миша твой! – Попытавшись придать голосу радостную интонацию, сказал Мартынов. – Я тут у тебя под дверью стою. Мимо просто проходил – дай, думаю, зайду.

– А-а? Что-о? – Слышно было, что на том конце линии происходит резкое пробуждение и Анастасия, как будто, не очень рада внезапному приходу любовника. – Чего не позвонил?

– Ты мне откроешь или как? – Спросил Михаил Юрьевич. – Или мне так и стоять под дверью?

– А-а? Да, конечно, сейчас подожди, открою. – Пыхтя в трубку, сказала Анастасия. – Сейчас, подожди минутку.

В груди Михаила Юрьевича захолонуло от нехорошей догадки.

– У тебя там есть кто-то? – Спросил он.

– Ты что? Кто у меня может быть? Ты ж у меня один-единственный, дурачок. – Быстро заговорила Настя. – Имей терпение, дай даме одеться.

– Чего это ты меня стесняться стала?

– Да не тебя я стесняюсь. Бабки в подъезде знаешь, как на меня ополчились в последнее время? Подожди, в общем. Сейчас.

В трубке слышались короткие гудки, а за дверью началась какая-то возня, сдавленный шёпот Насти. Потом в отдалении хлопнула дверь и наконец-то послышался металлический скрежет открываемого замка.

Из темноты прихожей высунулась испуганное и бледное личико Настасьи с пересекающим его сверху вниз рыжим выющим локоном, выбившимся из-под наспех нацепленной заколки.

– Привет! – Воровато поглядывая из стороны в сторону, сказала она. – Чего не позвонил-то?

– Привет. – Пробормотал Мартынов и вместо ответа на заданный вопрос, сказал. – Поговорить надо... Серьёзно.

Настя театрально закатила глаза и разочарованно протянула:

– Поговори-ить. Серьё-ёзно.

Затем продолжила:

– Ну, рассказывай.

– Ты меняпустишь, может? – Спросил Михаил Юрьевич.

Настасья опасливо посмотрела назад через левое плечо, показав свою соблазнительную шейку и, словно убедившись, что препятствий для удовлетворения просьбы любовника не имеется, сказала:

– Давай, входи.

Усевшись за столом на крошечной кухоньке хрущёвки, Михаил Юрьевич, глядя в широко раскрытые зелёные глаза, сказал Насте:

– У меня тут новость. Не очень приятная новость.

– Та-ак. – Протянула Анастасия. – И в чём заключается эта неприятная новость?

– Мне диагностировали онкологию или, как она там называется, рак.

Настя, охнув, закрыла рот руками, глаза её ещё больше расширились.

– Как так? – Спросила она, добавив. – Чего делать теперь будешь? Кошма-ар!

– Чего делать? Станный вопрос. – Удивился Михаил Юрьевич. – Попытаюсь лечиться, но шансов, говорят, мало.

– Да, да, – закивала головой Настасья, – ты лечись, конечно, Мишенька. А то как же я без тебя-то?

– Я вот тут подумал, Настасьюшка. Может, помнишь, что ты мне всё время говорила, что ребёнка от меня хочешь?

– Я-а? – Удивлённо протянула Анастасия. – Когда?

Придя в замешательство от того, что его женщина, в любовной истоме шептавшая ему на ухо о страстном желании иметь от него «махонькую такую лялечку, лялюсика», сейчас наличие такого желания категорически отрицает, Михаил Юрьевич прокашлялся, чтобы скрыть своё волнение.

– Так ты же мне каждый раз почти говорила, что хочешь ребёнка от меня.

– Ой, ну да, вспоминаю. – Как будто отмахиваясь от назойливой мухи сказала Настасья. – Что с того?

– Я тут вот просто подумал. Может, я бы оставил тебе ребёнка, так сказать.

– Чего? – Взвилась Анастасия. – Какого ещё ребёнка?

– Ну, вот о котором ты мне говорила. – Все больше смущаясь, говорил Михаил Юрьевич. – Мы бы с тобой, как я маленько подуспокоюсь после такого удара.

– Не поняла. Ты что, предлагаешь мне стать счастливой матерью?

– Вроде того. – Обрадовавшись, что до его зазнобы дошла, наконец, суть разговора, сказал Михаил Юрьевич. – Мы бы с тобой...

– Ты больной, что ли? – Спросила Анастасия. Затем, осёкшись, продолжила. – Ой, прости. Да ты в своём уме? На что он мне, этот ребёнок твой?

– Да ты не беспокойся, Настя, я тебе обеспечу безбедное существование с ребёнком.

Настя вскочила со стула и начала нервно ходить по кухне.

– Вы, мужики, наверное, до старости так и остаётесь придурковатыми пуберами, которые спят и видят, как они одаряют своим семенем женскую половину человечества! На чёрта мне твой ребенок? Мне ребёнок этот нужен был, чтобы ты ушёл от своей дуры «Ленки – уши спаниэля» или как ты её ещё там называешь. А сейчас...

Она резко остановилась. Налив себе стакан воды из кувшина, она опрокинула воду себе в рот, после чего продолжила, всё распаляясь.

– Тебе сколько там жить осталось? Я тут, значит, ребёнка этого воспитывай, корми, пока ты отлёживаться в прохладе будешь, да?

Михаил Юрьевич встал и подошёл к Анастасии.

– Успокойся, успокойся! Я же сказал, что обеспечу вас всем необходимым. – Попытался он утихомирить разнервничавшуюся Настасью.

– Да что ты знаешь о том, как ребенка растить, сколько вкладывать в него надо здоровья и нервов, не говоря уже о деньгах? – Начала уже скандалить «милая». – Я помню, как мамка моя с братьями моими младшими маялась. Ты-то, небось, на работе отсиживался, когда Ленка твоя со спиногрызами горбатилась?

Она остановилась на секунду и посмотрела безжалостно своими зелёными глазами в глаза своего любовника, теперь уже, как он понимал, бывшего любовника.

– Знаешь что? – Прошипела она. – А не пойти ли тебе домой, к жене своей любимой?

Михаил Юрьевич, еле сдерживая себя от гнева, схватил Настю за плечи, попытавшись силой усадить на стул.

– Выслушай меня... – Начал было он.

– Олежа-а-а! – Вдруг завывла Анастасия.

Резко открылась и закрылась, хлопнув, дверь одной из комнат и вскоре на кухне оказался двухметровый амбал, которого наш незадачливый герой неоднократно видел на скамейке возле подъезда своей любовницы последние полгода. Он-то полагал, что это греется на солнышке какой-то сосед Анастасии, молодой алкаш, но дело с громилой этим, по всей видимости, обстояло несколько иначе. Отношения его с Настей носили характер несколько более близкий.

– Олежа. – Обратилась ласково Анастасия к амбалу. – Проводи, пожалуйста, человека к выходу. Он немного перенервничал, у него тут беда случилась, кидаться на меня стал ни с того, ни с сего.

«Олежа» крепко схватил Михаила Юрьевича за руку чуть повыше локтя и потянул к выходу из кухни.

– Так вот почему твои расходы на парикмахеров и визажистов увеличились чуть ли не втрое? – Сдерживая гнев, сказал Михаил Юрьевич. – Я, то есть, вас двоих уже несколько месяцев кормлю? Да чем же ты от проститутки-то отличаешься? Вот у тебя сутенёр-прихлебатель твой...

Михаил Юрьевич ощутил внезапно резкую боль в затылке. В глазах у него потемнело на несколько секунд. Очнувшись, он услышал над собой слова, произнесённые грубым мужским голосом:

– Но-но, папаша. Аккуратней с выражениями, а то так недолго и в ящик загреметь.

– Не трогай его, Олеж, он и так скоро в ящик загремит. – Произнёс Настин голос, после чего раздался залиvistый хохот, который напомнил Михаилу Юрьевичу хохот шлюх, пасущих клиентуру возле заправок на федеральной трассе, что пролегает неподалёку от его маленького городка.

Он поднялся и, сопровождаемый насмешливым взглядом двух пар глаз, обулся, накинул неряшливо пальто и шапку и поспешил выскочить из бывшей некогда «их уютным гнёздышком» Настиной квартиры.

Выбравшись из подъезда серой пятиэтажки, Михаил Юрьевич набрал домашний телефон. Пока он ждал соединения, обратил внимание как начиналась капель с крыш – солнце плавилло своими первыми тёплыми лучами снег на крышах.

– А ведь следующий апрель я вполне могу уже и не застать. – Подумалось ему.

Без предварительных гудков из тишины эфира прорезался встревоженный голос жены:

– Алло! Миша, где ты пропал, я уже начала было беспокоиться.

– Да вот, из больницы только вышел. – Начал врать Михаил Юрьевич.

– Зачем ты меня обманываешь, Миша? Я звонила Вере Ивановне, главному врачу поликлиники. Она мне перезвонила и сказала, что ты полтора часа назад вышел из здания, ей на проходной сказали.

– Знаешь, Лена, – устало пробормотал Михаил Юрьевич, – мне сейчас не до того, чтобы следить за часами. Если я пропустил момент выхода из поликлиники, ты уж извини меня.

– У тебя всё в порядке, Миш?

Мартынов почувствовал, как ком подкатывает к горлу, мешая ответить, – он уже дважды был бит с сегодняшнего утра – так ему жалко вдруг себя стало.

– Да нет, Лена. Не всё, не в порядке. Скоро приду, всё тебе расскажу.

Слышно было, что на том конце линии жена пытается сказать что-то, но, мучительно подбирая слова, не находит их.

– Хорошо, мы ждём.

В трубке раздались короткие гудки и Михаил Юрьевич, нажав красную кнопку отбоя на экране, засунул телефон в карман пальто.

Добравшись, словно в каком-то тумане, до своей квартиры, он долго копался в карманах пальто и брюк в поисках ключей. Затем, бросив эту безнадёжную затею, нажал на кнопку звонка. Дверь открыла жена, внимательно посмотревшая несколько в течение нескольких секунд в глаза мужу, словно пытаясь угадать, какой диагноз ему поставили и насколько серьёзен этот диагноз.

– Ну что? – Тревожно спросила она.

– Давай я разденусь сначала. – Прозвучало вместо ответа. – Не на пороге же.

– Всё серьёзно? – Не унималась жена.

Михаил Юрьевич снял пальто и шапку, небрежно водрузив их на вешалку в прихожей. Выдержав паузу, он промямлил:

– Да уж куда серьёзней.

Он доплёлся, ссутулившись, до кухни, тяжело опустился на стул и сказал жене:

– Налей-ка, жена, мне водки. Да побольше!

– Не налью, пока не скажешь, что случилось. – Откликнулась Лена.

– Рак у меня. Рак почки, третья стадия. Шансов мало – их почти нет. Метастазы уже пошли.

– Постой, постой. – Начала возражать Лена. – Надо съездить сначала в область, убедиться в правильности диагноза. Мало ли что тебе местные, в кавычках, светила наговорили.

– Знаешь, Лен, я им, почему-то верю. Они мне всё толково так разъяснили, терапевт начала мне говорить о причинах болезни и я, действительно, вспомнил, как заливался водярой этой, будь она проклята, как левым боком о подоконник у нас в цеху трахнулся. Про боли эти в левом боку вспомнил. И всё у меня на места встало, мозаика сложилась, что ли.

– Что же теперь будет-то, Мишенька? – Начала плакать навзрыд жена. – Как же мы без тебя? Может, квартиру нашу продать да вылечить тебя попытаться на деньги-то вырученные?

– Я вот что подумал, Лена. – Начал Михаил Юрьевич. – К чёрту это лечение. Забыла ты, что ли, как с Оксанкой-то было? Гоняли её по клиникам да по врачам всяким, а толку? Не дай боже, как говорится, у нас в России заболеть чем серьёзным! Суши вёсла, называется. А квартира вам ещё пригодится. Вот.

– А с машиной, с гаражом, с дачей чего делать? – Закинула удочку Елена. Затем, ластясь, спросила:

– На мать с братом, небось, всё перепишешь?

– На тебя всё перепишу, родственников своих упоминать не буду. Всё профукают, спустят в унитаз.

В глазах жены заплясали весёлые огоньки.

– Вот и славненько! Завтречка и составим завещаньице-то вместе. Договорились, Мишенька?

«Мишенька» лишь покорно закивал головой.

– Ой, Сашке-то, Лёвке надо ж сказать. – Запричитала жена.

– Не надо ничего никому говорить. – Твёрдо сказал Михаил Юрьевич. – Слетятся как коршуны со своими бабами, шкуру неубитого медведя делить. Избавь меня от всего этого, Лена!

Жена сбегала в кладовку за бутылкой водки, настрогала, вернувшись, колбаски с сыром на тарелку и, налив водку в стакан, поставила импровизированный ужин на стол.

Через три часа употребления горячительной жидкости, Михаил Юрьевич подзабыл несколько о сегодняшних, первоапрельских треволнениях и начал ластиться к жене. Та, умело сделав вид, что не замечает амурных поползновений подвыпившего мужа, вышла из кухни, бросив через плечо:

– Милый, я постелю тебе в зале, хорошо? Ты, как выпьешь, храпишь как слон.

– М-м-м. – Промычал Михаил Юрьевич, пытаюсь сконцентрироваться на люстре, лампочки которой начали размножаться с невероятной скоростью по мере того, как он, находясь под впечатлением от прошедших событий, заглывал сорокаградусную из гранёного стакана. – А как же исполнение с-супружеского долга, родная?

– Миша, как ты можешь, с твоей-то болезнью! – С укоризной покачала головой жена.

– А чего такого-то? Что с моей болезнью?

– У тебя должна быть депрессия. – Продолжила Елена. – Кстати, онкология не заразна?

– У меня нет депрессии! – Пьяно воззрился на холодильник Михаил Юрьевич, поскольку множась лампочки его достали. – Я не знаю, наверное, я не заразный.

– А ты откуда знаешь, спрашивал у врачей?

– Н-нет. – Уже менее уверенно протянул Мартынов.

– Иди, спи уже. Поздно.

Михаил Юрьевич, нагруженный водкой по самые брови, медленно поднялся из-за стола и направился, меряя шагами коридор, как матрос вышагивает по палубе во время качки, в залу. Грохнувшись с размаху на диван, он немедленно впал в спячку, оглушая соседей своим богатырским храпом.

Жена его, Елена, тем временем стала строить планы на жизнь свою без мужа, поскольку таковому, как выяснилось в ходе его возлияния, жить оставалось месяца три, от силы.

– Он же, ведь, фотографией у меня увлекается. Может, устроить персональную фотовыставку? – Всхлипывая, думала она. – А лучше, может, выпустить альбом фоторабот?

Надумавшись вдоволь, Лена только уснула крепким сном, как вдруг была разбужена, почувствовав, что что-то тяжёлое неловко приземлилось на её постель, больно ударив в бедро. Это был Михаил Юрьевич. Дыша смрадом перегара и роняя пьяные слёзы на простыню, он бормотал:

– А ведь виноват я перед тобой, Ленусик!

– Что такое? Что случилось? – Вскочила от неожиданности Елена. – Чем виноват?

– Ведь неверен тебе я был. – Продолжал пьяные излияния муж. – Была у меня одна... проститутка, как оказалось. Наськой звали, зовут, то есть.

– А-а! Это та рыжая кобыла, что мы то на рынке встречали, то на улице. – Догадалась Лена, добавив злорадно. – Я ещё смотрю, она глазищами своими паскудными меня с ног до головы осматривает презрительно так. У-у, шаболда!

– Ну да, она самая. – Брызгая слюной, подтвердил Михаил Юрьевич. – Ты простишь меня, родная моя?

Елена Николаевна поднялась с постели и, тихонько так, сказала:

– Конечно я прощаю тебя, Мишенька. Давай проспим, утро вечера мудренее. Завтра завещаньице составим и будет думать, как нам быть.

– С-с-спасибо, любимая! – Обливая горячими слезами подол жёниной сатиновой ночнушки, провыл Мартынов.

– Иди, иди, милый, отдохнуть тебе надо. – Побледнев внезапно, сказала Елена.

Продрав слипшиеся веки Михаил Юрьевич мучительно вспоминал, каким образом он оказался лежащим на продавленном диване в тёмной зале своей квартиры, а вспомнив, взвыл, кусая зубами углы слежавшейся подушки. К боли телесной прибавилась ещё и невыносимая боль души.

Послышались шаги, приближавшиеся со стороны кухни.

– Ну что милый, продрал зенки? – Участливо поинтересовалась жена. – Вот, выпей, легче станет.

Она поднесла к его иссохшим губам гранёный стакан, наполненный до половины прозрачной, пахнущей сивухой, жидкостью.

– Водка? – Успел спросить он удивлённо.

– Водка, водка!

Михаил Юрьевич вне себя от изумления, поднял брови и выпил стакан до дна.

– Вот и огурчик тебе на закусь. – Ласково прошептав, засунула жена крепко посоленный огурчик ему в рот.

– Хо! Давно бы так.

– Давно бы, давно. – Покачала утвердительно головой Лена. – К нотариусу пойдём?

– С радостью, милая. – Вскочил с дивана Михаил Юрьевич.

Сходив к нотариусу со звучной фамилией Замышляев и оформив завещание, супруги вернулись домой и Лена стала собирать мужнины пожитки в сумку.

– Э-эй, Лен! Ты чего делаешь?

– Барахло твоё собираю. – Спокойно промолвила жена.

– Ты меня выгоняешь? Куда? – Спросил Михаил Юрьевич. Затем, догадавшись, что действия жены обусловлены вчерашним его откровением, добавил. – Это из-за шлюхи той, Настьки? Ты ж меня простила, сама ж говорила?

– Я тебе сказала, что простила – пожалела тебя, дурня. – Так же тихо продолжала Лена. – Да только измена твоя – конец нашего брака, который и до вчерашнего-то на привычке только держался.

Жена села на стул и, оперевшись локтями на стол, положила лоб на ладони, смотря на испещрённую царапинами поверхность деревянной столешницы. Вид её говорил о невыносимой печали, носимой в сердце.

Михаил Юрьевич медленно опустился на стул рядом с женой и затрясся от глухих рыданий.

– Прости меня, прости, родная! – Протянул он было руку к Лене, но та, почувствовав лёгкое прикосновение руки мужа, резко отпрянула.

Мартынов, вытерев с опухших красных век слёзы, встал и начал складывать свои вещи в сумку.

– Документы не забудь. – Бросила ему жена. – УЗИ, там, карточку больного, паспорт.

– Да, да. – Механически кивал головой Михаил Юрьевич. – Пойду я, Лена, прощай.

Не дождавшись ответа от склонившейся над столом жены, он повесил на плечо сумку и, развернувшись, поплёлся к выходу.

Приехав в областной центр Мартынов сразу же отправился в онкоцентр. Голова болела с похмелья, поскольку утренний заряд спиртного уже иссяк. Солнце, слепя, жарило немилосердно.

Обливаясь потом, Михаил Юрьевич поднялся на четвёртый этаж недавно отстроенного здания, в кабинет к зональному онкологу – Василию Илларионовичу Шмелёву. Отстояв положенную многочасовую очередь, он робко постучался в дверь.

– Да-да, войдите. – Раздался из-за двери бодрый голос врача.

– Доктор, можно? – Высунув голову наполовину, спросил Мартынов.

– Да конечно, милейший. Я бы даже сказал нужно, раз уж вы пришли.

Михаил Юрьевич проскользнул через дверь и, пройдя через небольшой кабинетик, уселся напротив врача. Живой взгляд прищуренных глаз смотрел внимательно на нашего героя.

– Ну-с, голубчик, с чем пожаловали? – Мягко спросил седебородый сухощавый старичок в белом колпаке врача.

– Да я тут, доктор, Василий Илларионович, сдаваться, так сказать, пришёл.

– Интересно, интересно, – оживлённо воскликнул старичок, – что навело вас на мысль о таком серьёзном решении?

– Видите ли, доктор, – смутившись продолжил Михаил Юрьевич, – я, кажется болен, неизлечимо болен.

– Ещё интересней. Продолжайте.

– Понимаете, я ходил на УЗИ-исследование и вот, мне там сказали, что у меня 3-я стадия рака почки, по всей вероятности. – Мартынов порылся в сумке и извлёк оттуда заключение узиста с распечаткой чёрно-белых треугольников развёртки изображения. – И терапевт наш сказал, то есть подтвердил.

– Ну-ка, давайте сюда свои бумажки. – Потребовал доктор.

Михаил Юрьевич бережно передал внимательно смотревшему на него старичку листки.

– А-а-а! – Злорадно вскрикнул казавшийся до этого таким мягким и добрым доктор. – Горемыкинская ЦРБ?!

– Так и есть, да, Горемыкинская. – Не зная, что и подумать, пролепетал Мартынов.

– Знаем, знаем. У вас там окопалось два, без преувеличения можно сказать, светила медицинской науки. Врач-диагност Андрей Степанович...

– Силантьевич. – Поспешно уточнил Мартынов.

– Какая разница! – Посмотрел грозно на втянувшего голову в плечи Михаила Юрьевича. – Да хоть и Силантьевич! Волобуйский, кажется. Правильно?

Внезапный гнев старичка выбил Мартынова из колеи. Он лишь утвердительно покачал головой на вопрос доктора.

– И второе светило – новоиспечённый терапевт Дранникова Марина, Мария, то есть, Александровна. Так?

– Да, есть такая.

– Говорил я вашему главному врачу! Избавляйся, говорю, от этого узиста! Рубит прямо с плеча, везде видит или онкологию или, как коллеги рассказывают, запущенный панкреатит, страшает людей, а эта, простите меня, дурочка, согласно кивает ему.

Видно было, что старичок распаляется всё больше и больше.

– Ну ладно, эта девочка только что с университетской скамьи. Но этот Волобуйский! Его же из города попёрли за неэтичное поведение – выставление таких диагнозов, которые он выставлять не должен и не может. Нет, он же продолжает себя считать мастодонтом отечественной ультразвуковой диагностики, вообще гением-диагностом.

Василий Илларионович вскочил и начал нервно ходить по кабинету, отчаянно жестикулируя руками.

– Вот, полюбуйте! – Он ткнул в заключение узиста. – Рак почки 3-й стадии. Точка.

Не под вопросом, а рак и точка! Всё, приехали.

Старичок начал тыкать в чёрно-белые снимки УЗИ, приглашая Михаила Юрьевича подержать его разглагольствования.

– А где он тут этот рак-то? – А нету его, нет! Этот великовозрастный балбес не может отличить уплотнение от пузырька с жидкостью! Кошмар! Нет, я понимаю, на чёрно-белом УЗИ сложно различить среди пятидесяти оттенков серого какие-то полутона, но это! Это же классика! Одно дело уплотнение и совсем другое дело – киста!

До Михаила Юрьевича из всего сказанного дошло только то, что, по-видимому, узист где-то накосячил.

– Так что, доктор, у меня ничего нет? – Осторожно, опасаясь прогневить распалившегося старичка, спросил он.

– Голубчик, вы почти абсолютно здоровы для вашего сорокадевятилетнего возраста. Небольшая киста, если она не затрудняет мочеиспускание... Ведь не затрудняет? – Прервав свои размышления и обращаясь к Мартынову, спросил доктор.

– Н-нет, вроде.

– Вот и славненько! Если не затрудняет мочеиспускание, то не должна вас тревожить ещё лет десять. Конечно, нужно наблюдаться, проходить исследования УЗИ. – Старичок осёкся, увидев слабое подобие улыбки на лице Михаила Юрьевича. – Ну, не у вас в ЦРБ, конечно.

– Но как же так? У меня же ведь болевые ощущения в левом боку были, да и травма, по моему была слева... или справа. Ведь все же признаки налицо.

– Милейший. – Вновь грозно свернул очками Василий Илларионович. – Вы, похоже, недовольны, что у вас нет рака?

– Да нет, что вы, что вы... Я наоборот, вовсе даже.

– Хорошо. – Остановился доктор возле своего кресла. Потом вдруг, как будто вспомнив что-то весёлое, сказал. – Представляете, юноша? Он ведь уже троим людям успел огласить такие же, примерно, диагнозы. Те, до того, как прийти ко мне, чего только не вытворяли – и жёнам в неверности признавались, и с мостов чуть ли не бросались.

Михаил Юрьевич на словах «в неверности признавались» глухо закашлялся.

– Курите? – Спросил любознательный врач.

– Нет, бросил лет десять назад.

– Вот и молодец! – Обрадовался старичок. – Ну всё, не смею вас задерживать. Идите домой, обрадуйте близких. А врача вашего надо всё-таки как-то под зад, под зад, простите за выражение.

Выйдя из кабинета врача, Михаил Юрьевич по привычке хотел набрать жену, порадовать, что смертельный диагноз, выставленный каким-то неучем, не подтвердился, но, вспомнив утренние события, решил этого не делать.

Как же так? Он уже морально приготовился к смерти, чуть ли не жаждал скорого и, по возможности, безболезненного избавления. То есть морально он уже был мёртв. Но тут ему объявляют, что диагноз его невольно стал первоапрельской шуткой.

И что теперь? К жене не пойдёшь – она планирует ближайшую встречу с ним на кладбище. Любовница... Та тем более не ждёт, в свете произошедшего.

Весеннее солнце, выполнив свою радующую оживающую природу работу, умиротворённо ложилось в перину далёких облачков, скопившихся на горизонте. Темнело постепенно, зажглись оранжевые лампы на столбах, освещая блестящие талой водой улицы.

Погружённый в свои невеселые размышления, Михаил Юрьевич подошёл к пешеходному переходу. Он по инерции, заведённой годами привычке, шёл в направлении автобусной станции, чтобы отбыть в свой родимый город Горемыкино.

Вдали показались огни ближнего света фар раздолбанной девятки с затонированными в гудрон стеклами – это Яша-наркót, попробовав с корешами свежей марьянны, вообразил себя мужественным покорителем пьедестала почёта гонок «Формулы-1» – восставшим с больницы койки Мишей Шумахером.

Разогнавшись на рискующем развалиться от потока встречного воздуха чуде отечественного автопрома, Яша-Миша даже и не заметил отлетающего от удара с бампером и левой стойкой кузова человека с серой сумкой через плечо – так он хотел вырвать первое место на этой престижнейшей и сложнейшей для прохождения трассе «Монте-Карло – Горемыкино».

Резкий подъём из глубин подсознания мучителен, особенно если он вызван каким-то первобытным ужасом, на который ты натолкнулся, бродя вслепую по бесконечному лабиринту снов.

Николай Порфирьевич открыл глаза и, судорожно глотая воздух, пытался понять, окружённый кромешным мраком, жив он или уже нет. Он ущипнул себя за левое запястье, на котором обычно красовались швейцарские ходики. Хотя он вряд ли смог бы объяснить логически, почему он решил, что на том свете не носят часов, однако он убедился в наличии вмятины

от многолетней носки часов на браслете, после чего сделал вывод о нахождении своём пока на этом свете.

– Фу-у-у. – Облегчённо выдохнул он. – Бррр. Приснится же такое!

Николай Порфирьевич поднялся на локте и ощутил себя на мягкой постели. В практически полной тьме неясно вырисовывались очертания незнакомой обстановки. Где-то вдалеке, в направлении, где, по его ощущениям, находились его ноги, горел красный индикатор телевизора.

Он с облегчением откинулся на спину и глубоко выдохнул.

– Это же надо! – Думал он. – Из каких глубин серого вещества лезет такое дерьмо? Он, коренной москвич, крупный чиновник Минздрава, член уважаемой семьи Полежаевых перенёсся во сне в какой-то захолустный российский городок – задницу мира, где метался между женой и любовницей, был оглушён диагнозом, поставленным какими-то недоучками, был бит, а затем и погиб под колёсами шушлайки, ведóмой обкурившимся выродком, вообразившим себя Шумахером!

– Фу-фу-фу! Свят-свят-свят! Чур меня! Господи, спаси и пронеси! Чего там ещё положено говорить в таких случаях? – продолжал думать Николай Порфирьевич.

Грузное тело крупного представителя Минздрава, по всей видимости, породило мини-землетрясение, всколыхнувшее до основания двуспальную кровать номера 309 гостиничного комплекса столицы нашей Родины «Осло», что привело к шевелению некоего живого тела рядом с Николаем Порфирьевичем.

Он, перетрусив, нашарил кнопку открывания штор, находившуюся над прикроватной тумбочкой. Шторы, плавно расступаясь в разные стороны, постепенно запускали утренний хмаристый свет в спальню гостиничного номера. Из-под одеяла, лежавшего комом рядом с массивным телом Николая Порфирьевича, высунулась раскосая узкоглазая физиономия, обрамлённая чёрной смоли прямыми волосами, подстриженными в форме удлинённого каре:

– Нихао¹! – Сказала физиономия.

– Уй! – Невольно отпрянул Николай Порфирьевич. – Ты кто?

Затем он лихорадочно начал вспоминать события предыдущего вечера. Нахождение в двуспальной кровати с представительницей Великого Восточного Соседа могло быть объяснено только после припоминания определенных деталей, относящихся к ближайшему прошлому.

В попытке освежить воспоминания, совершенно бестолковой, как он и сам это понимал, Николай Порфирьевич спросил у своей китайской ночной подруги:

– А что вчера было?

Счастливая раскосая рожица лишь похихикивала.

– Шенма?²

– Какая шенма? – Хотел было уточнить Николай Порфирьевич, но поняв, что это выглядит достаточно нелепо, махнул рукой и бросил с раздражением. – А-а, черти! – опять басурманку подсунули.

Потихоньку он начал припоминать приключения предыдущего дня. Сначала банкет в «Метрополе» по поводу заключения контракта с подконтрольной жене конторой на поставку медоборудования в онкоцентр в условном Занюханске. Контракт этот сулил неплохую выгоду семье Полежаевых и никакой выгоды занюханцам – они как мёрли от онкологии пачками, так и будут мереть, но кто узнает, если что?

В «Метрополе» он уже был хорош – налился вискаря на радостях. Затем переместились в какую-то шаровню, а потом какой-то поц то ли из Екатеринбурга, то ли из Новосибирска –

¹ Привет.

² Что?

Вадим, кажется, звали – сказал, что ему скучно и он хотел бы покатать уже свои шары, причём в иной обстановке. Вадим предложил проехать в отель и расслабиться с какими-нибудь тётками. Причем, не родных ему, российских тёток подавай, а экзотику: китайки-африканки, чёрт его дери!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.